

ИЗ КНИГИ

**ПАВЕЛ ПОЛЯН. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В АУШВИЦКОМ АДУ:
ЛЕТОПИСЦЫ ИЗ ЕВРЕЙСКОЙ «ЗОНДЕРКОММАНДО»
И ИХ СВИТКИ.
М.: АСТ, 2018. С. 126—136**

Павел Маркович Полян (Нерлер)

Доктор географических наук. Профессор факультета гуманитарных наук,
департамент общей и прикладной филологии НИУ ВШЭ. Директор
Мандельштамовского центра НИУ ВШЭ.

Адрес: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1, каб. 208.

ORCID: 0000-0003-2520-7932

ResearcherID: B-8756-2016

Scopus AuthorID: 7801595047

E-mail: pavel.polian@gmail.com

В истории Второй мировой войны и Холокоста вопрос о «зондеркоммандо» — один из самых болезненных: в лагерях смерти такие подразделения состояли из заключенных-евреев, которые должны были загонять обреченных единоплеменников в газовые камеры, а потом обрабатывать трупы. Выжившие свидетельствовали о нацистских зверствах, но и сами неоднократно обвинялись в добровольном пособничестве врагу. Автор приводит ряд документальных свидетельств, позволяющих шире взглянуть на само явление и избежать личных выводов и пристрастных оценок.

Ключевые слова: «зондеркоммандо», лагерь смерти, Холокост, нацизм, юденрат, Ханна Арендт, этноцид.

DOI 10.17323/2658-5413-2020-3-2-256-267

ПРЕСТУПНИКИ ИЛИ ГЕРОИ?

Сатанинское искушение¹

Находя и опрашивая немногочисленных оставшихся в живых членов «зондеркоммандо», Г. Грайф предпринял попытку «...понять границы морали тех, кто физически ближе всего находился к эпицентру убийства — месту, для которо-

¹ В настоящей публикации ссылки приводятся в соответствии с форматом изданий ВШЭ. Также добавлены дополнительные сноски, поясняющие ряд фактов, о которых речь идет в других главах книги П. М. Поляна, и учтена незначительная авторская правка. *Прим. ред.*

го немцы, казалось бы, исключали существование любых гуманитарных ценностей» (Greif, 1998: 1027). Саму же методологию и методику — принуждать одних жертв убивать других — он по праву называет дьявольской (Там же: 1023).

Сатанинской назвал ее в 1961 году и Г. Хаузнер, израильский обвинитель на процессе Эйхмана: «Мы найдем и евреев на службе у нацистов — в еврейской полиции гетто, в “советах старейшин” — “юденратах”. Даже у входа в газовые камеры стояли евреи, которым велено было успокаивать жертв и убеждать их, что они идут мыться под душем. Это была самая сатанинская часть плана — заглушить в человеке все человеческое, лишить его эмоциональных чувств и силы разума, превратить его в бездушного и трусливого робота — и, таким образом, сделать возможным превращение самих лагерных заключенных в часть аппарата, истребляющего их же братьев. В результате гестапо¹ смогло свести число своих людей в лагерях до минимума. Но, в конце концов, и роботы не могли избежать горькой участи и подверглись уничтожению, наравне с соплеменниками...» (Хаузнер, 1989: 31).

Да, существо деятельности членов «зондеркоммандо» было чудовищным. Причем настолько, что их как коллаборационистов высшей пробы — наравне с еврейскими полицаями в гетто — обвиняли в прямом пособничестве и чуть ли не в со-палачестве — в непосредственном соучастии в убийстве!² И отказать обвинителям в праве называть «зондеркоммандо» пособниками и коллаборационистами нельзя. В видах собственного, хотя бы и кратковременного, спасения разве не соучаствовали они в этноциде целого народа, своего народа?

Ханна Арендт на этом основании даже желала бы распространить и на них израильский закон 1950 года о наказании нацистских преступников — закон, по которому арестовали и судили Адольфа Эйхмана³.

Арендт, правда, писала не столько о «зондеркоммандо», сколько о юденратах в гетто и их роли в Катастрофе. Именно юденраты с кастнерами, генсами и румковскими во главе были в центре общественного дискурса в Израиле в первые десятилетия существования страны. Как ни парадоксально, но на каждого пережившего Холокост в Израиле смотрели тогда не столько с сочувствием, сколь-

¹ Здесь, несомненно, имеется в виду СС. Здесь и далее примечания автора.

² Например, Роберт Пендорф: «Несомненно, что без сотрудничества с жертвами едва ли было бы возможно для нескольких тысяч человек, большинство из которых, мало того, трудились в канцеляриях, ликвидировать сотни тысяч других людей... Эти евреи соучаствовали в процессе убийства с тем, чтобы спасти себя от угрозы немедленной смерти» (Pendorf, 1961: 111).

³ Ср.: «Хорошо известный факт, что как таковой труд палачей в центрах уничтожения обычно находился в руках еврейских команд, был четко и прямо сформулирован в показаниях свидетелей обвинения — как они работали в газовых камерах и крематориях, как они вырывали золотые зубы и срезали с тел волосы, как они закапывали ямы с телами жертв, а потом снова их раскапывали, чтобы уничтожить следы; как еврейские инженеры строили газовые камеры в Терезиенштадте, где была основана такая еврейская автономия, что даже палач был евреем. Но все это было только ужасно, это еще не было моральной проблемой. Селекция и классификация рабочих в лагере осуществлялась СС...» (Арендт, 2008: 147).

ко с подозрительностью и с готовым сорваться с уст вопросом: «А что ты делал во время Холокоста?»¹

Рудольфа Кастнера, главу венгерских евреев, обвиняли в сделке с дьяволом и в предательстве интересов венгерской еврейской общины ради шкурного спасения 1700 человек еврейской элиты (в том числе себя и своих близких) в так называемом «поезде Кастнера», проследовавшем из Будапешта в Швейцарию. Он стал объектом ненависти в Израиле, в его дочерей в школе кидали камнями. Сам же Кастнер, осужденный на первом своем процессе (1955), был оправдан на втором (1958), но не дожил до этого: в марте 1957 года он был застрелен мстителями-экстремистами.

Хайм Румковский — по существу, фюрер Лодзинского гетто, даже не постеснявшийся своего изображения на геттовских дензнаках, — правил своим народцем железной рукой и не боялся играть в шахматы с самим дьяволом. Ставкой были их жизни, и, не колеблясь, отдавая фигуры за качество, он посылал на заклание все новые и новые тысячи еврейских душ. Но в конечном итоге проиграл, ибо от 150-тысячного гетто уцелело лишь несколько сот человек. Хайм Первый явно зарвался, думая, что знает или чувствует все правила, писанные и неписанные, — его соперник же менял правила и назначал ходы, как хотел, и одним щелчком сбил с него всю его спесь, отправил вместе со всеми офицерами и пешками в бжезинские газовни. А то, что последние погибшие лодзинские евреи замыкали собой в Аушвице панъевропейский еврейский мартиролог, — слишком слабое утешение!

Ту же игру — откупаться от палачей все новыми и новыми евреями — и с тем же результатом — вел в Вильне и Якоб Генс. Только виленский случай специфичен тем, что там особенно зрелой и явственной была и альтернатива — объединенное коммунистическое и сионистское подполье, готовое и к восстанию в гетто, и к уходу в партизанские леса. Эти подпольщики в глазах еврейского фюрера Генса — опасные сумасшедшие и провокаторы, играющие с огнем. Их бессмысленные героизм и жажда подвига вызывали у него отторжение и протест, ибо ставили под удар всю его мудрую политику полезности палачам и малых уступок и рокировок.

Генс как бы спрашивал у героических своих оппонентов: «Ну, и много ли евреев спаслось после Варшавского восстания?..» Но и «герои» — останься он и они в живых — могли бы чуть позже спросить: «А много ли спаслось в твоём Вильнюсском гетто?..»

В действительности этих крайностей не существует, они перемешаны друг с другом, а точнее, сосуществуют внутри каждого еврея, и решающим становится то, какую пластичность и какую пропорцию того и другого и в какое именно время

¹ Это отношение необычайно сродни советско-смершевскому: «И как это ты, Абрам, жив остался?!» (см.: Полян П. М. Советские военнопленные-евреи — первые жертвы Холокоста в СССР // Полян, Шнеер (сост.), 2006: 9–70).

он находит для себя допустимыми. Борясь с альтернативой — с Виттенбергом и Ковнером¹, Генс пытался с нею же и заигрывать, и пример Глазмана, его бывшего заместителя, наверняка заставлял и его задуматься об упущенной возможности сосредоточения всех еврейских рычагов — юденрата, полиции и партизанского штаба — в одних и, главное, куда более могущественных руках.

Но рокировки эти заходили далеко: это его, Генса, полицейские в Ошмянах не только выкуривали евреев из их малин², не только конвоировали их ко рвам, но и расстреливали!.. И каждая новая «акция» в гетто, каждая новая разнарядка из гестапо — это, в сущности, такая же селекция, что и на рампе в Аушвице. Вместо Биркенау в Вильнюсе были Понары, вместо газа — пули, а общим знаменателем — еврейские трупы, присыпанные землей или горящие в крематориях или ямах-кострах.

И если кто и уцелел, то не в гетто, а в партизанских лесах или в рабочих командах, куда их депортировали и где не успели уничтожить. Впрочем, никто еще не посчитал распределение выживших евреев по способам их выживания — сколько в лесу и в укрытиях и сколько на пепелищах гетто и концлагерей. Но уже самый факт сопротивления возвращал всем и каждому достоинство и надежду, веселил и возвышал их истерзанные души.

Преступники или герои?

«Зондеркоммандо», так же как и юденраты, и еврейская полиция в гетто, как и еврейские «функциональные узники» в концлагерях (капо, форарбайтеры, штубендисты³), как и берлинские «грайферы», рыскавшие по городу по заданию гестапо в поисках соплеменников⁴, и даже весь лагерь-гетто для привилегированных в Терезине или вип-концлагерь в Берген-Бельзене, — все это лишь части того сложного и противоречивого целого, к которому в Израиле поначалу выработалось особое — и весьма негативное — отношение (Porat, 1991). Молодое еврейское государство испугалось своей предыстории и не захотело, а отчасти и не смогло разобраться в страшнейших страницах недавнего прошлого. Идеологически поощрялся лишь героизм, особенно тот, что исходил от убежденных сионистов.

¹ Виттенберг Ицик (1906–1943) и Ковнер Або (1918–1987) — командиры и герои Сопротивления в Вильнюсском гетто.

² Тайных, хорошо замаскированных пространств, рассчитанных на то, чтобы укрыться в них во время акций и облав.

³ Капо — аббревиатура от КаПо — *Kameradschaft-Polizei* (часто, но ошибочно возводится или к не существовавшему термину *Kazet-Polizei*, или к итальянскому *capo* — начальник). Форарбайтер — мастер, бригадир. Штубендист — узник, отвечавший за порядок в бараке.

⁴ В Берлине задокументировано шесть таких «грайферов», самые известные среди них — семейная пара Рольф Изаксон и Стэлла Гольдшлаг. Практиковалось ли что-нибудь подобное в других столицах — неизвестно (нам сообщено И. Рабин). В Ломжинском гетто, по рассказу А. Шмаиной-Великановой, был такой «Рыжий», который разыскивал еврейские «мелины» (укрытия) и, обещая помощь при побеге или смене убежища, выдавал немцам.

Но даже это не помогло «мертвому герою» восстания в Аушвице — убежденному сионисту Градовскому — получить в Эрец Исраэль более чем заслуженное признание. Принадлежность к «зондеркоммандо» — как каинова печать, и именно этим объяснялось категорическое нежелание некоторых из уцелевших ее членов идти на контакт с историками и давать интервью¹. Этим же объясняется и зияющее отсутствие этой темы в большинстве музейных экспозиций по Шоа.

Спрашивается: а возможно ли вообще сохранить в лагере жертвенную «невинность»? Каждый из правого ряда на рампе виноват уже тем, что не оказался в левом, ибо только эти жертвы — чистейшие из чистейших. Все остальные, если дожили до освобождения, наверняка совершили какое-нибудь «грехопадение»². Выжил — значит пособничал, выжил — значит виноват.

На этом посыле и построено то уродство в общественной жизни Израиля, о котором сказано выше. В точности то же самое было и в СССР, для которого каждый репатриированный бывший остарбайтер и бывший военнопленный был чем-то в диапазоне между предателем и крайне подозрительной личностью³. «И как это ты, Абрам, жив остался?..» — спрашивали во время фильтрации следователи Смерша у выживших советских военнопленных-евреев.

В любом случае нацисты, увы, преуспели еще в одном: убив шесть миллионов, они вбросили в уцелевшее еврейство ядовитые кристаллы вечного раздора и разбирательства, не исторического исследования, а именно бытового противостояния и темпераментной вражды. Только этой общественной конъюнктурой можно объяснить такие, например, обвинения в адрес членов «зондеркоммандо», как их якобы «прямой интерес» в прибытии все новых и новых транспортов, то есть в как можно более продолжительном и полном течении Холокоста. Ибо это, мол, страховало их жизни и сытость.

Так, Г. Лангбайн цитирует некоего Э. Альтмана, «вспоминающего» явно мифическое высказывание одного из «зондеров» (так называли членов «зондеркоммандо» в лагере): «Ага, снова неплохой эшелончик прибыл! А то у меня уже жратва кончается». (Как мог член «зондеркоммандо» заранее знать, что прибыло, и как мог Э. Альтман все это от него услышать: в пабе после работы?) Понимать связь явлений — это одно (и такое понимание всегда имело место), а паразитировать на смерти и молиться на нее — другое.

¹ А в имеющихся интервью бросается в глаза установка не столько на самооправдание, сколько на самооборону от возможных нападок.

² Тот же Примо Леви довольно убедительно показывает, кем были — или как минимум должны были быть — так называемые «функциональные узники» («суки», если по-гулаговски), составляющие явное большинство среди тех евреев, кто уцелели в Холокост (Леви, 2010: 28–40).

³ СССР был единственной страной в мире, требовавшей от своих военнослужащих ни в коем случае не сдаваться в плен врагу, а биться до предпоследнего патрона, последним же патроном — убить себя!

Признавая на суде свои «ошибки», но так ни разу не покаявшись, сам Хёсс¹ тем не менее нашел слова для ехидного осуждения евреев из «зондеркоммандо»: «Своеобразным было все поведение “зондеркоммандо”. Исполняя свои обязанности, они совершенно точно знали, что после окончания [Венгерской] “операции” их самих ожидает точно такая же участь, как и их соплеменников, для уничтожения которых они оказали столь ощутимую помощь. И все равно они работали со рвением, которое меня всегда поражало. Они не только никогда не рассказывали жертвам о том, что им предстоит, но и услужливо помогали при раздевании и даже применяли силу, если кто-нибудь ерепенился. <...> Все как само собой разумеющееся, как если бы они сами принадлежали к ликвидаторам» (Höss, 1958: 195).

Эти признания, возможно, послужили толчком (и уж во всяком случае — пищей) для теоретических построений итальянского философа Примо Леви, который и сам пережил Аушвиц.

До известной степени Примо Леви поддается на провокацию эсэсовцев, о которой сам же и предупреждал: «Те, кто перетаскивает еврейские трупы к муфелям печей, обязательно должны быть евреями, ибо это и доказывает, что евреи, эта низкоразвитая раса, недочеловеки, готовые на любые унижения и даже на то, чтобы друг друга взаимно убивать. <...> С помощью этого института [“зондеркоммандо”] делается попытка переложить вину на других, и самих по себе жертв, с тем чтобы — к собственному облегчению — их сознание уже никогда не стало бы безвинным» (Levi, 1995: 50, 52).

И все же по существу Примо Леви не слишком сгущает краски, когда называет случай «зондеркоммандо» экстремальным в коллаборационизме (Там же: 52f). Он обратил внимание и на такой феномен, как своеобразное «братание» эсэсовцев, работавших в крематориях, с членами «зондеркоммандо»: первые держали вторых как бы за «коллег», отчего — несмотря на арийские свои котурны — эсэсовцы не считали для себя зазорным даже играть с ними в футбол (Nyiszli, 1960: 68), поддерживать сообща черный рынок, а иногда и вместе выпивать².

Леви, к сожалению, слишком доверчив к своим «информантам». Ярчайший случай — рассказ о 400 греческих евреях, прибывших в июле 1944 года из Корфу и якобы дружно, все как один, пошедших на смерть, но не на работу в «зондеркоммандо» (Леви, 2010: 40–49). П. Леви, даже не будучи историком, мог бы и знать, что «Венгерская операция» в это время уже практически закончилась, и никаких таких предложений кому бы то ни было сделано быть просто не могло!³

¹ Хёсс Рудольф (1900–1947) — оберштурмбанфюрер СС, комендант концлагеря Аушвиц, повешенный в нем по приговору польского суда в 1947 году.

² Сюда же Леви относит и то, что эсэсовец Горгес передал зондеру Мюллеру хлеб в Маутхаузене — вместо того, чтобы выдать Мюллера местным палачам (Müller, 1979: 276–277). Учитывая время и место события, думаю все же, что это гораздо более сложный случай.

³ Как мог бы и знать, что никаких регулярных систематических ротаций и 12 «смен» «зондеркоммандо» в реальности не было (Леви, 2010: 41).

Также и все обвинения в *Kameradschaft* (сотовариществе) с СС и СД, кроме разве что черного рынка, критики не выдерживают. Свидетельство Нижли о футбольном матче не только не было никем подтверждено; наоборот, оно было решительно опровергнуто, в частности, Иешуа Розенблюмом (Kilian, 2004: 138). Представить себе бригаду «зондеркоммандо», направляющуюся в «Сауну» или устанавливающую экран или простынь у себя в казарме, решительно невозможно: ни один из тех, у кого Г. Грайф брал интервью, ничего подобного не сообщал.

Быть может, самым ярким — из не-фейковых — проявлением этого *Kameradschaft* являлись отношения Менгеле и Нижли. Врач-эсэсовец, член партии, приказал (а на самом деле — доверил!) презренному жиду Нижли (тоже, правда, врачу) сделать аутопсию застрелившегося эсэсовского полковника (Nyiszli, 1960: 79–83). Подумать только: врач-еврей, которому, согласно Нюрнбергским законам, и приближаться к немецкому пациенту запрещено, кромсает скальпелем драгоценную арийскую плоть!

И где? — в Аушвице!..

Спорадическое «братание» и условная «коллегиальность» между членами СС и «зондеркоммандо» — отнюдь не системный, а сугубо индивидуальный и исключительный феномен, возникающий на межличностном, а не на междо-поративном уровне. Но утонченная интеллектуальная констатация Леви этого феномена вовсе не рассчитана на то, чтобы стать методологией. Уж больно она эксклюзивна и выведена из исторического контекста, в котором различие между теми и другими столь принципиально и огромно, что само это наблюдение и его эмпирическая подоснова едва-едва различимы.

Однако именно как методологию восприняла ее ученица Леви Регула Цюрхер из Берна: раз встав на эти рельсы, она и докатилась, пожалуй, дальше всех. Ничтоже сумняшеся, она просто соединила членов «зондеркоммандо» и эсэсовцев на крематориях в некое общее, по-будничному звучащее понятие — «персонал установок по массовому уничтожению в Аушвице» (Zürcher, 2004)¹. Конечно, разбирая по пунктам их «работу», их «быт», их «менталитет» и т. д., она рассматривает их отдельно, как подгруппы этой группы, но черта уже перейдена, и рельсы сами ведут куда надо. Вот критерий антисемитизма: ага, у СС — он есть, а у «зондеркоммандо» — нет. А вот критерии «жажды выжить», «стремления к обогащению»: эти критерии, видите ли, есть у обеих подгрупп этого «персонала»! И еще они отличаются по степени «развязанности рук» (Там же: 216–219). И так далее...

¹ Над ее рабочим столом была приколотая бумажка с цитатой из ментора, вынесенной ею в эпиграф к книге: «Это совсем не легко и не приятно прощупывать дно низости, но я тем не менее нахожу, что это необходимо делать...» (Zürcher, 2004: 11).

Вместе же взятые, единые в этом и различные в том, они все равно формируют пресловутый «персонал установок по массовому уничтожению». Так профанируется методология учителей!

Р. Цюрхер предлагает различать среди членов «зондеркоммандо» четыре подгруппы: а) потенциальные самоубийцы, б) борющиеся за жизнь любой ценой, но оправдывающие это тем, что им предстоит рассказать обо всем миру, в) организаторы подполья и повстанцы и г) «роботы», не сохранившие никаких человеческих чувств. Вместе с тем это никакие не типы, а разные состояния все одного и того же — состояния души членов «зондеркоммандо». Каждый из них, может быть, прошел через ту или другую комбинацию этих состояний, ставших для него своего рода этапами.

Результат же, к которому приходит добросовестная ученица Леви, увы, банален: наряду с «черной зоной» — местообитанием абсолютного зла, существует, видите ли, некая «серая зона», которую, со стороны СС, манифестируют, например, хороший эсэсовец Курт Герштейн¹, а со стороны «зондеркоммандо», надо полагать, участники Сопротивления и подготовители восстания из числа коллаборационистов.

Итак, в глазах многих на членах «зондеркоммандо», как и на членах юденратов, лежит каинова печать предательства и соучастия в геноциде.

Именно эта установка на многие десятилетия была определяющей в отношении к «зондеркоммандо» со стороны широкого еврейского сообщества, а также со стороны историков. Развиваясь по законам черно-белого мифотворчества, это обстоятельство, безусловно, отразилось и на истории публикации их бесценных рукописей.

Но настоящей «серой зоной» была та общественная атмосфера, которая их обволакивала.

Разве перед селекцией на рампе и в бараке спрашивали у Градовского или Лангфуса, а не хотели бы они попробовать себя в такой новой для себя и столь аттрактивной профессии, как работа в «зондеркоммандо» (с приложением должностных инструкций)? Выбор, который им тогда оставался, — это даже не выбор между 100-граммовой и 500-граммовой пайкой: имейся у них такой выбор, они бы предпочли 100-граммовую, только не в «зондеркоммандо». Это был сатанинский выбор между жизнью и смертью, между принятием навязываемых условий и их неприятием — то есть пулей в лоб или прыжком в пылающую яму или гудящую печь!

¹ Случай с эсэсовцем Пестиком, полюбившим еврейку и бежавшим с нею, Р. Цюрхер, видимо, не был знаком.

Вот аргументация уцелевшего члена «зондеркоммандо» Ш. Венеция: «Иные полагали, что мы ответственны за то, что происходило на крематориях. Но это же абсолютно неверно. Только немцы убивали. Мы же были насильно принуждены к пособничеству, тогда как под коллаборантами понимаются добровольцы. Важно подчеркнуть, что у нас не было выбора. Каждый, кто отказался бы, тут же получил бы выстрел в затылок. А для немцев это не составило бы проблемы: убив десяток из нас, они тут же набрали бы 50 новых. Для нас весь вопрос был в том, чтобы выжить, и другого выхода у нас просто не было. Ни у кого из нас. Кроме того, и мозг наш уже не был нормальным, мы не были в состоянии много размышлять о том, что произошло... Мы стали автоматами» (Venezia, 2008: 151–152).

И я, признаться, не знаю, что бы сделали всеми уважаемые Примо Леви или Ханна Арендт, если бы оказались на месте этих проклятых предателей и со-палачей?

Та же Арендт, еврейка и непримиримый борец с антисемитизмом, как-то научилась закрывать глаза на вопиющее поведение своего мэтра и друга Хайдеггера, великого философа и банального, как добро и зло, антисемита. И как-то не верится, что она, Ханна Арендт, прыгнула бы в гудящую печь.

Обвинять членов «зондеркоммандо» — центральных свидетелей Холокоста — в неправомерности их свидетельств, как это делает Примо Леви, в высшей степени антиисторично и несправедливо. А называть их «вóронами крематория» и писать о них так — «Глядя на Медузу Горгону, легче увидеть на ее лице желание освободиться от внутренних терзаний, чем прочесть на нем правду» — это похабство и пошлость (Леви, 2010: 42).

Осмелюсь напомнить всем судящим и рядящим, что именно члены «зондеркоммандо» — они и только они! — долго вынашивали и в конечном счете осуществили единственное в истории Аушвица-Биркенау восстание, все участники которого героически погибли!

После чего одним крематорием стало меньше! Тогда как все прогрессивное человечество проморгало, почти не заметив, недостачу шести миллионов своих членов, а доблестные союзники по антигитлеровской коалиции не нашли на складах ни бомб, ни керосина для того, чтобы раздраконить этот отлаженный завод по производству человеческого пепла и перемолотых костей!..

И что именно они, «зондеркоммандовцы», оставили — написали и спрятали — самые многочисленные и самые авторитетные свидетельства о том, что там происходило на самом деле и как. И не их вина, что до нас дошло лишь около десятка из них!

«Зондеркоммандо» — это не штабная, а штрафная рота, и ее члены рвутся в бой с надеждой на то, что кровью смоют с себя тот подлый позор, на который, не спрашивая, их обрекли враги. И еще на то, что весь мир признает и зачтет им не только их малодушие и преступления, но и их подвиги!

Литература

- Арендт Х. (2008) Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа.
- Леви П. (2010) Канувшие и спасенные / пер. с итал. Е. Б. Дмитриевой. М.: Новое издательство.
- Полян П. М., Шнеер А. И. (сост.) (2006) Обреченные погибнуть. Судьба советских военнопленных-евреев во Второй мировой войне. Воспоминания и документы. М.: Новое издательство.
- Хаузнер Г. (1986) 6 000 000 обвиняют. Речь израильского генерального прокурора на процессе Эйхмана. [Иерусалим:] Библиотека Алия.
- Greif G. (1999) «Wir weinten tränenlos...» Augenzeugenberichte der jüdischen «Sonderkommandos» in Auschwitz. Frankfurt am Main.
- Höss R. (1958) Kommandant in Auschwitz. Autobiographische Aufzeichnungen von Rudolf Höß. / Eingeleitet und kommentiert von Martin Broszat. Veröffentlichungen des Instituts für Zeitgeschichte. Stuttgart: Deutsche Verlag-Anstalt (Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte. Bd. 5).
- Levi P. (1995) Die Untergegangenen und die Geretteten. München.
- Müller F. (1979) Sonderbehandlung: 3 Jahre in den Krematorien und Gaskammern von Auschwitz. München: Steinhausen.
- Nyiszli M. (1960) Auschwitz: a Doctor's Eyewitness Account / Transl.: T. Kremer, R. Seaver. New York: Frederick Fell.
- Pendorf R. (1961) Mörder und Ermordete. Eichmann und Judenpolitik des Dritten Reiches. Hamburg: Rütten & Loening.
- Porat D. (1991) Attitudes of the young State of Israel toward the Holocaust and its Survivors: a Debate over Identity and Values // *New Perspectives on Israeli History. The Early Years of the State*, ed. by L. J. Silberstein, New York, pp. 157–174.
- Venezia S. (in Zusammenarbeit mit B. Prasquier) (2008) Meine Arbeit im Sonderkommando Auschwitz. Das erste umfassende Zeugnis eines Überlebenden / Vorwort von Simone Veil. Nachwörter: Marcello Pezzetti und Umberto Gentiloni. Aus dem franz. von Dagmar Mallett. Karl München: Blessing Verlag.
- Zürcher R. (2004) «Wir machten die schwarze Arbeit des Holocaust»: das Personal der Massvernichtungsanlagen von Auschwitz. Nordhausen: Bautz.

FROM THE BOOK
PAVEL POLYAN. LIFE AND DEATH IN THE HELL OF AUSCHWITZ:
CHRONICLERS FROM THE JEWISH “SONDERKOMMANDO”
AND THEIR SCROLLS.
MOSCOW: AST, 2018. PP. 126—136

Pavel M. Polian (Of Nerler)

Doctor of geography. Professor of the faculty of Humanities,
Department of General and applied Philology, National Research University
Higher School of Economics. Director of the Mandelstam center of the HSE.
105066, Moscow, Staraya Basmannaya str., 21/4, p. 1, room 208.

ORCID: 0000-0003-2520-7932

ResearcherID: B-8756-2016

Scopus AuthorID: 7801595047

E-mail: pavel.polian@gmail.com

In the history of the World War II and the Holocaust, the question of the “sonderkomme” is one of the most painful: in death camps such units consisted of Jewish prisoners who had to drive doomed fellow consanguineous into gas chambers, and then handle the corpses. The survivors testified about the Nazi atrocities but has repeatedly been accused of voluntary collaboration with the enemy. The author provides a number of documentary evidence that allows us to take a broader look at the phenomenon itself and avoid personal attacks and biased assessments.

Keywords: the “Sonderkommando”, the death camp, Holocaust, Nazism, Judenrat, Hannah Arendt, ethnocide.

References

- Arendt H. (2008) Banal'nost' zla. Jejhman v Ierusalime [The banality of evil. Eichmann in Jerusalem], Moscow: Evropa (In Russian).
- Levy P. (2010) Kanuvshie i spasennye [Sunken and saved], transl. by E. B. Dmitrieva, Moscow: Novoe izdatel'stvo (In Russian).
- Poljan P. M., Shneer A. I. (compl.) (2006) Obrechennye pogibnut'. Sud'ba sovetskih voennoplennyh-evreev vo Vtoroj mirovoj vojne. Vospominaniya i dokumenty [Doomed to die. The fate of Soviet Jewish prisoners of war in World War II. Memories and documents]. Moscow: Novoe izdatel'stvo (In Russian).
- Hauzner G. (1986) 6 000 000 obvinjajut. Rech' izrail'skogo general'nogo prokurora na processe Jejhmana [6,000,000 are blamed. Speech of the Israeli Attorney General at the Eichmann trial], [Jerusalem:] Biblioteka Alija (In Russian).
- Greif G. (1999) «Wir weinten tränenlos...» Augenzeugenberichte der jüdischen «Sonderkommandos» in Auschwitz. Frankfurt am Main (In German).

- Höss R. (1958) Kommandant in Auschwitz. Autobiographische Aufzeichnungen von Rudolf Höß, *Eingeleitet und kommentiert von Martin Broszat. Veröffentlichungen des Instituts für Zeitgeschichte. Stuttgart: Deutsche Verlag-Anstalt (Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte. Bd. 5) (In German).*
- Levi P. (1995) Die Untergegangenen und die Geretteten. Münche (In German).
- Müller F. (1979) Sonderbehandlung: 3 Jahre in den Krematorien und Gaskammern von Auschwitz. München: Steinhausen (In German).
- Nyiszli M. (1960) Auschwitz: a Doctor's Eyewitness Account, transl.: T. Kremer, R. Seaver, N.Y.: Frederick Fell (In English).
- Pendorf R. (1961) Mörder und Ermordete. Eichmann und Judenpolitik des Dritten Reiches. Hamburg: Rütten & Loening (In German).
- Porat D. (1991) Attitudes of the young State of Israel toward the Holocaust and its Survivors: a Debate over Identity and Values // *New Perspectives on Israeli History. The Early Years of the State*, ed. by L. J. Silberstein, New York, pp. 157–174 (In English).
- Venezia S. (in Zusammenarbeit mit B. Prasquier) (2008) Meine Arbeit im Sonderkommando Auschwitz. Das erste umfassende Zeugnis eines Überlebenden, *Vorwort von Simone Veil. Nachwörter: Marcello Pezzetti und Umberto Gentiloni*. Karl München: Blessing Verlag (In German).
- Zürcher R. (2004) "Wir machten die schwarze Arbeit des Holocaust": das Personal der Massenvernichtungsanlagen von Auschwitz. Nordhausen: Bautz (In German).